

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-4-75-107

В ПОЛЬЗУ И СЛАВУ РОССИИ (к истории перевода в истории Московского университета)

Николай Константинович Гарбовский

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

Для контактов: nikolay.garbovskiy@mail.ru

Аннотация. В работах, посвящённых различным сторонам 270-летней истории Московского университета, встречаются упоминания о переводческой деятельности его профессоров и преподавателей, студентов и выпускников. Однако только упоминаний недостаточно для того, чтобы понять стратегии и принципы перевода, характер и причины тех или иных переводческих решений, вызовы переводчикам Московского университета социального, идеологического и лингвистического порядка в разные исторические периоды. Научный анализ переводческой практики в начальный период истории Московского университета с момента его основания до начала XIX в. не только показывает, как благодаря переводу шло освоение иностранного опыта и приращение научных знаний, формировалась отечественная словесность, совершенствовался русский язык науки, выстраивалась научно-образовательная система, но и даёт представление о том, как складывалась методология перевода, как в переводческих стратегиях отражались не только лингвистические, но и социальные, эстетические и другие факторы, влияющие на переводческие решения.

В славной плеяде тех, кто обращал свои труды к «достохвальнейшему делу» перевода в стремлении к достижению патриотической цели просвещения России, одной из ключевых фигур является ученик Ло-

моносова, первый русский профессор Московского университета Н.Н. Поповский.

Ключевые слова: история перевода, Московский университет, XVIII в., Н.Н. Поповский, переводческая деятельность в Московском университете

Для цитирования: *Гарбовский Н.К.* В пользу и славу России (к истории перевода в истории Московского университета) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2024. № 4. С. 75–107. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-4-75-107

Статья поступила в редакцию 25.09.2024;
одобрена после рецензирования 18.09.2024;
принята к публикации 29.09.2024.

FOR THE BENEFIT AND GLORY OF RUSSIA (From the history of translation in the history of Moscow University)

Nikolai K. Garbovskiy

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: nikolay.garbovskiy@mail.ru

Abstract. Articles and materials devoted to various aspects of the 270-year history of Moscow University contain references to the translation activities of its professors and teachers, students and graduates. However, references alone are not enough to understand the strategies and principles of translation, the nature and reasons for certain translation decisions, the challenges of Moscow University translators of a social, ideological and linguistic nature in different historical periods. Scientific analysis of translation practice in the initial period of the history of Moscow University from its foundation to the beginning of the 19th century not only shows how, thanks to translation, foreign experience was mastered and scientific knowledge was expanded, domestic literature was formed, the Russian language of science was improved, and the scientific and educational system was built, but also gives an idea of how the methodology of translation was developed, how translation strategies reflected not only linguistic, but also social, aesthetic and other factors influencing translation decisions. In the glorious galaxy of those who turned their efforts to the “most praiseworthy cause” of translation in an effort to achieve the patriotic goal of enlightening Russia, one of the key figures is Lomonosov’s student, the first Russian professor at Moscow University, N.N. Popovsky.

Keywords: history of translation, Moscow University, the 18th century, N.N. Popovsky, translation activities at Moscow University

For citation: *Garbovskiy N.K.* (2024) For the benefit and glory of Russia (from the history of translation in the history of Moscow University). *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal*. 4. P. 75–107. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-4-75-107

The article was received on September 18, 2024;
approved after reviewing received on September 26, 2024;
accepted for publication on September 29, 2024.

Введение

История Московского университета — это история подвигов и свершений «людей Московского университета» (так называет научное и образовательное сообщество профессоров, преподавателей, студентов и научных работников университета ректор МГУ имени М.В. Ломоносова В.А. Садовничий) на благо развития науки и образования.

На фоне великих научных открытий, сделанных людьми Московского университета на протяжении его 270-летней истории, достижений в области математики и биологии, физики и химии, медицины и космонавтики, удостоенных самых престижных международных и национальных премий, труды по переводу на родной язык научных, образовательных, познавательных и художественных произведений, выглядят, на первый взгляд, весьма скромно.

Роль перевода в деле приращения научных знаний очевидна. Во многом именно благодаря переводу были заложены основы для формулирования научной мысли на русском языке, без которых многие последующие великие открытия были бы невозможны.

Перевод выполнял эту просветительскую и когнитивную функцию на протяжении всей истории Московского университета. Особенно важной задачей переливания знаний в русское слово была в первые десятилетия существования московского «храма наук». В переводческую деятельность были вовлечены практически все уровни обучающихся и обучавшихся в университете и его гимназиях: директора и кураторы, профессора и сотрудники, студенты и воспитанники гимназий. Поистине, XVIII в. стал «золотым веком» перевода в истории Московского университета.

1. Знания перелить в русское слово

Переводя учебные и научные труды иностранных авторов на русский язык профессора, преподаватели и студенты способствовали выполнению основной миссии университета, лаконично и точно сформулированной профессором российской словесности И.И. Давыдовым в речи «О содействии Московского университета успехам отечественной словесности», произнесённой на торжественном собрании Императорского Московского университета в честь 80-летия со дня его основания 9 июня 1836 г.: «Общее достоинство человечества — знания перелить в слово того или другого народа, и содействовать его образованности: таково назначение Университетов» (Давыдов, 1836: 8)¹.

Если академии наук, по словам Давыдова, «разрабатывают науку или искусство, и взаимно сообщают труды свои нередко на языке мёртвом» (Там же), то университеты «храня и умножая вверенное им умственное богатство, делятся им с другими в живом слове» (Там же).

В 1836 г. Давыдов, разделив восьмидесятилетнюю историю развития словесности в Московском университете на три «возраста», или периода, «коим соответствует постепенное развитие умственной его деятельности» (Давыдов, 1836: 6), определил первый период — от основания Московского университета до конца XVIII столетия — как период Словесности *подражательной* (Там же: 7). Второй возраст занимал первую четверть XIX в., третий «наступил с благополучным Царствованием настоящим» (Там же)².

В первый период, по словам Давыдова, «в отношении к Словесности, заметно стремление к приобретению знаний, к подражанию иностранным образцам (там же). В самом деле, подражание — естественный этап развития изящной словесности, выстраивания дискурсивных норм за счёт ассимиляции моделей и некоторых форм более развитых языков. Но «первый возраст» — это ещё и период бурного освоения «чужого» научного опыта, и в этой области главную роль играл перевод. Решая двуединую задачу просвещения — привнесения новых научных знаний и развития русского языка

¹ И.И. Давыдову принадлежит заслуга перевода на русский язык Высшей алгебры Франкера, изданной при университетском благородном пансионе в 1824 г. Здесь и далее фрагменты текстов, написанных на русском языке в XVIII–XIX вв., даются в современной орфографии, но с сохранением лексики и синтаксиса оригинала.

² Там же. Царствование Николая I (1825–1855). (Примечание — Н.Г.)

науки — перевод явился основным средством формирования российской научной мысли на русском языке. Именно тогда Николай Поповский, первый русский профессор Московского университета сформулировал призыв к образованным современникам — переводите! Завершая предисловие к своему переводу философской поэмы Попа «Опыт о человеке», переведённой им ещё до открытия Московского университета, он писал: «Но как иностранных книг на Российский язык переведено ещё весьма мало, то усердно желаю, чтобы любители наук и истинные Патриоты, в пользу и славу России, к сему достохвальнейшему делу труды свои обратили» (Опыт..., 1763: 9).

2. Образовательная «рассадница» для перевода

Деятельность людей Московского университета по переливанию знаний в русское слово требовала подготовки переводческих кадров, изучения иностранных языков, как классических, так и современных, воспитанниками гимназий и студентами. Развитию переводческой деятельности способствовала сама образовательная модель первого российского университета и двух его университетских гимназий, представленная И.И. Шуваловым императрице и подготовленная при активном участии Ломоносова. Она предполагала в первую очередь овладение иностранными языками и навыками перевода для освоения научного опыта, накопленного мировой наукой, и последующего распространения научных знаний уже на родном языке, в том числе и путём перевода трудов зарубежных учёных. Всего лишь по прошествии года с момента открытия Указом Императрицы Елизаветы от 5-го Марта 1756 г. Московскому университету позволялось «учредить типографию и книжную лавку для печатанья и продажи сочинений и переводов Университетских писателей на пользу общую» (Шевырёв, 1855: 17), из чего следует, что переводческая деятельность не была обойдена вниманием императрицы, следовавшей по стопам своего великого отца. Для Петра I перевод был способом не только получения новых научных и технологических знаний из иностранных источников, но и построения моделей для создания государственных документов. Так, английские, голландские, французские военные и морские уставы переводились для того, чтобы по их образцу разработать уставы для русской армии и флота, о чём свидетельствуют Указы Петра (см.: Воскресенский, 1945).

Не только для освоения научных знаний из иностранных источников, но и для их распространения на русском языке после перевода книг изучались иностранные языки, главным образом латинский — основной язык науки, — но также французский и немецкий учащимися университетских гимназий. Система изучения иностранных языков в гимназиях была предложена ещё в проекте учреждения университета, представленном императрице Шуваловым. В проекте, в частности, предлагалось иметь в каждой гимназии по четыре школы: российскую, латинскую, первых основных наук и «знатнейших европейских языков», к которым относились французский и немецкий языки (Указ..., 1755). Три из четырёх школ имели, как мы сегодня сказали бы, гуманитарную направленность и были нацелены на изучение языков: в российской школе за изучением грамматики русского языка следовало овладение стилистикой, а затем стихосложением и ораторским искусством; в латинской школе предлагалось не только изучение основ латинского языка, лексики, разговорной речи, но и интерпретация (толкование) латинских авторов, а также развитие навыков перевода с латинского языка на русский и с русского на латинский и сочинение в прозе и в стихах на латинском языке; в школе европейских языков предлагалось «в двух нижних классах обучать первые основания и разговоры с вокабулами немецкого и французского языков; в двух верхних классах обучать чистоте стиля помянутых языков» (Там же).

3. Образовательная модель — обучение на иностранном языке с переводческим посредничеством

Перевод служил и одним из инструментов обеспечения успешности учебного процесса: нередко лекции иностранных профессоров, читавшиеся на латыни, переводились и комментировались по-русски студентами, наиболее преуспевшими в овладении языками. Шевырёв отмечал, что в гимназиях «заботились особенно об успехах в языке французском; назначали в низшие классы учителей уже из студентов для этого языка» (Шевырёв, 1855: 25), где изучение иностранных языков было особенно распространено и шло весьма успешно, «между казённокоштными образовались студенты, которые были в состоянии помогать иностранцам в первоначальном обучении питомцев гимназии» (Там же).

У Шевырёва мы находим и примеры использования перевода на лекциях иностранных профессоров, преподававших свои курсы на латинском или же на современных иностранных языках в универ-

ситете. Повествуя об организации лекционных занятий в первые годы Московского университета, он, в частности, писал: «Рост³ учил математике на латинском языке; но при нём был студент, по-русски объяснявший для не разумеющих то, что профессор говорит по-латыни» (Там ж: 57). Этот пример показывает, что идеальная образовательная модель, разработанная Шуваловым и Ломоносовым и предложенная в проекте к Указу об основании Московского университета и предполагавшая обучение на иностранных языках, смогла быть реализована на практике лишь отчасти. Ломоносов и Шувалов обосновывали предложение открыть гимназии при университете именно тем, что изучение иностранных языков должно предшествовать университетским занятиям: «Всяк желающий в университете слушать профессорских лекций должен наперёд научиться языкам и первым основаниям наук, но понеже в Москве таких порядочно учреждённых вольных школ не находится, где бы молодые люди к высшим наукам надлежащим образом приготовлены и способными учинены быть могли, того ради Её Императорское Величество всемилостивейше не соизволит ли указать, чтобы при Московском университете и под его ведомством учредить две гимназии, одну для дворян, а другую для разночинцев, кроме крепостных людей» (Указ..., п. 28). Реально на практике складывалась иная образовательная модель, которую я определил бы как обучение на иностранном языке с переводческим посредничеством. Эта модель использовалась, видимо, параллельно с чтением лекций на латинском языке. О том, насколько часто в учебном процессе прибегали к этой модели в первые годы жизни Московского университета, сегодня судить трудно, однако уже с сентября 1768 г., т.е. всего через 13 лет после открытия университета, «для лучшего распространения в России наук начались лекции на всех трёх факультетах природными россиянами на русском языке», о чём сообщалось в «Московских ведомостях 15 января 1768 г. А уже через 80 лет Давыдов писал о переливании знаний на родной язык как о миссии университета. В процессе последовательного вытеснения латыни и других иностранных языков как носителей знаний из сферы образования не могла не сыграть значительную роль модель обучения на иностранном с переводческим посредничеством, которая, на мой

³ «Иоганн Иоаким Юлий Рост был выписан из Геттингена и приехал также в половине 1757 года. Два предмета были его назначением: Английский язык, Чистая и особенно прикладная Математика. Он был в Московском Университете первым образователем той части Философского Факультета, которая обнимала Физико-Математические науки» (Шевырёв, 1855: 35).

взгляд, может быть как промежуточная между преподаванием на иностранном языке и преподаванием на родном в процессе международного образования, каким оно было в Московском университете на первом этапе его развития.

Впоследствии модель обучения на иностранном языке с переводческим посредничеством стала весьма популярной при обучении иностранных студентов в нашей стране и за рубежом, например, в период интенсивной образовательной помощи, оказывавшейся Советским Союзом развивающимся странам, а также на лекциях приглашённых иностранных профессоров.

Каталоги занятий и лекционных курсов, представленных, в частности, в работе Шевырёва, не дают каких бы то ни было сведений о том, проводились ли в университете какие-либо специальные занятия по обучению переводу. О развитии навыков перевода говорится прямо лишь в проекте латинской школы в составе гимназии: «Вторая школа латинская: в ней обучать в нижнем классе первые основания латинского языка, вокабулы и разговоры, в среднем толковать нетрудных латинских авторов и обучать переводам с латинского на русский и с русского на латинский язык, в верхнем толковать высоких авторов и обучать сочинениям в прозе и в стихах» (Указ..., п. 29). Об обучении переводу переводческие навыки студентов Московского университета формировались, по-видимому, в процессе практической деятельности студентов и учеников гимназий под руководством более опытных коллег и преподавателей по переводу материалов для университетской типографии, выпускавших периодические издания с переводными статьями. «Московские ведомости» сообщали о событиях в зарубежных странах, что предполагало изучение информации, поступавшей из иностранных источников и её представление на русском языке. Переводные литературные произведения занимали значительную часть журнала «Полезное уведомление», издававшегося М.М. Херасковым с 1760 по 1762 г., и других литературных периодических изданий Московского университета, в подготовке которых активно участвовали студенты. Таким образом, в Московском университете с первых лет его жизни начала формироваться школа перевода, накапливавшая опыт перевода произведений разного содержания и разной функциональной направленности: научные труды, учебная литература, публицистика, философская проза и поэзия. Но никаких дидактических материалов, руководств или учебных пособий, развивающих навыки перевода, а тем более работ по теории перевода в тот период не было. Переводческая

наука даже не вошла ещё в своё зачаточное состояние, и обучение переводу, скорее всего, опиралось лишь на опыт.

Одним из ярких примеров решения переводческой практикой в Московском университете двуединой задачи просвещения — передачи научных знаний на родном языке и формирования родной словесности — является переводческая деятельность профессора Московского университета Николая Никитича Поповского.

4. Николай Никитич Поповский

4.1. За образование на русском языке

Поповский — талантливый переводчик и поэт, ученик М.В. Ломоносова, первый российский профессор Московского университета, член первой университетской Конференции, один из первых редакторов «Московских ведомостей», магистр философии, ординарный профессор кафедры красноречия философского факультета.

В Московском университете Поповский с первых дней его основания. В день открытия университета 26 апреля 1755 года Поповский был одним из тех, кому доверено было произнести торжественную речь. С.П. Шевырёв так описывал это событие: «В 8-м часу утра учителя с учениками собрались в обновлённом доме. Через печатные программы приглашены были к торжеству знатные особы, родители учеников, иностранцы, именитое купечество. Первые молитвы Богу принесены были Наставниками и юношеством университетским, перед началом учения, в церкви Казанской Богоматери.

По возвращении из храма, в большой зале говорили речи: русскую магистр Барсов, латинскую магистр Поповский, французскую учитель Лабом, немецкую учитель Литкен» (Шевырёв, 1855: 17).

Из перечня речей, приведённого Шевырёвым, видно, какое значение в университете с первых дней его существования придавалось изучению иностранных языков, именно языков, а не одного единственного языка, хоть и доминировавшего в научной коммуникации в мировом сообществе учёных. Образовательная политика Московского университета, предполагающая развитие многоязычия в образовании, оказалась весьма прозорливой, и очень быстро, в исторической перспективе, латинский язык был полностью вытеснен из научной коммуникации новыми языками.

Однако в истории Московского университета Поповский прежде всего славен не тем, что произнёс речь на латинском языке при

открытии университета, а тем, что отстаивал право русского языка быть языком образования и науки в России. В летописи Московского университета имеется текст речи магистра Поповского, произнесённой перед студентами Московского университета в августе 1755 г. в качестве вступительной лекцией к курсу философии. В том же месяце речь была напечатана в журнале «Ежемесячные сочинения, пользе и увеселению служащие». Молодой магистр философии убеждал слушателей в том, что русский язык столь же богат и развит, как латинский: «Что ж касается до изобилия российского языка, в том перед нами римляне похвалиться не могут. Нет такой мысли, кою бы по-русийски изъяснить было невозможно» (Поповский, 1952: 91). Способом же обогащения специального философского лексикона на русском языке новыми терминами Поповский называл перевод и прямые заимствования с толкованием их смысла (знаменования и силы), ссылаясь на опыт латинян: «Что ж до особых надлежащих к философии слов, называемых терминами, в тех нам нечего сомневаться. Римляне по своей силе слова греческие, у коих взяли философию, переводили по-римски, а коих не могли, те просто оставляли. По примеру их то ж и мы учинить можем. У логиков есть некоторые слова, которые ничего не значат, например: *Barbara, Celarent, Darii*. Однако силу их всякий разумеет; таким же образом поступим и мы с греческими и латинскими словами, которые перевести будет трудно; оставя грамматическое рассмотрение, будем только толковать их знаменование и силу» (Там же). В преподавании философии на родном языке Поповский усматривал возможность массового просвещения: «начнём философию не так, чтобы разумел только один изо всей России или несколько человек, но так, чтобы каждый российский язык разумеющий мог удобно ею пользоваться» (Там же). Преподавание на родном языке делает доступным, по мнению Поповского, даже самое сложное знание с раннего возраста, если преподавать его системно и осторожно, с частым повторением: «Самые отроки могут чрез частое повторение привыкнуть и [к] глубочайшим предложениям, когда они им порядочно и осторожно от учителей внушаемы бывают, только лишь бы на известном языке предлагаемы им были» (Там же: 92).

В описании истории Московского университета С.П. Шевырёва отмечается, что и в 1758 г. Поповский предлагал читать курс философии на русском языке, «для тех, которые не хотят учиться по-Латыни, или выросли уже из лет и потому не могут сделать успехов в этом языке» (Шевырёв, 1855: 57), но конференция так

и не приняла это предложение, боясь, что это окажется прецедентом для отказа «от изучения Латинского языка, которое составляет главную цель учреждения Университета и основание всех наук и к которому большая часть не имеет никакой склонности» (Там же)⁴.

«Поповский желал, как видно, — заключал Шевырёв, — таким путём достигнуть исполнения той же самой мысли, которую уже выразил в своей вступительной лекции 1755 года. Но время ещё не созрело для того, чтобы ей прийти в исполнение» (Там же).

4.2. «Переводит нечто по-русски и потом по-латински чисто и хорошо»

Поповский прожил короткую, но яркую жизнь, в которой переводческой деятельности уделялось значительное место.

Склонности к переводу проявились у Поповского ещё в бытность его студентом Академического университета в Санкт-Петербурге, куда он был отобран В.К. Третьяковым и переведён в 1748 году по распоряжению Академии наук из Московской славяно-греко-латинской академии для пополнения состава Академического университета.

Уже через два года преподаватели университета обратили внимание на исключительные способности Поповского к переводу с латинского языка на русский и с русского языка на латинский. Советский историк литературы Л.Б. Модзалевский, ссылаясь на «Материалы для истории императорской Академии наук» (т. IX, 1897: 124–125), приводит «особое мнение», вынесенное по итогам экзамена университетской комиссией профессоров в феврале 1750 г. и записанное профессором Г.Ф. Миллером, по отношению к студенту Поповскому: «в математике и философии имеет успех посредственной <...> Он переводит нечто по-русски и потом по-латински чисто и хорошо» (Цит. по: Модзалевский, 1958: 117).

В 1751 г. по распоряжению президента Академии наук Поповский определён к Ломоносову слушать «стихотворческие лекции». Ломоносов упоминал о них в одном из своих отчётов, особо выделяя именно Поповского: «давал private лекции студентам

⁴ «Mrs les autres Professeurs nonobstant qu'ils croient aussi que cela sera utile a ce petit nombre des écoliers craignent, que la facilite qu'il y aura d'entendre les leçons philosophiques n'entraîne tous les autres écoliers et ne les détourne de l'étude de la langue latine, qui est le but principal de l'institution de l'Universite et le fondement de toutes les sciences, et pour laquelle la plupart n'ont point d'inclination» (протоколы Конференции тогда писались по-французски) (Шевырёв, 1855: 78).

в российском стихотворстве, а особенно Поповскому, который ныне профессором; диктовал студентам сочинённое мною начало третьей книги красноречия о стихотворстве вообще» (Модзалевский, 1958: 119). Ломоносов смог разглядеть в молодом человеке истинный поэтический талант и в дальнейшем внимательно следил за его творчеством и оказывал ему всяческую поддержку как своему любимому ученику в стихотворстве. В одном из своих «доношений» в январе 1753 г. Ломоносов писал: «Порученный прошлого 1752 года мне студент Николай Поповский от канцелярии Академии наук, чтоб он от меня получал в стихотворстве наставления, показывает в оном весьма изрядные опыты своей особливою способности» (Цит. по: Пекарский, 1952: 508). Выделение Поповского из общего списка студентов, слушавших его лекции, говорит об особом внимании Ломоносова к этому ученику.

Можно предположить, что одним из объединяющих начал профессора Ломоносова и студента Поповского была преданная любовь к родному языку, уверенность в его потенциальных выразительных возможностях. Его известная фраза о изобилии русского языка, превосходящим богатство латинского, из вступительной речи к курсу философии, повторяла мысль, высказанную Ломоносовым в посвящении «Е. и. в. пресветлейшему государю, великому князю Петру Федоровичу», к «Краткому руководству по красноречию», где Ломоносов выражал уверенность, что «язык, которым Российская держава великой части света повелевает, по её могуществу имеет природное изобилие, красоту и силу, чем ни единому европейскому языку не уступает. И для того нет сомнения, чтобы российское слово не могло приведено быть в такое совершенство, каковому в других удивляемся» (Ломоносов, 1952: 92).

4.3. *Ars poetica* Горация. История одной цитаты

Объединяла ученика и Учителя и любовь к поэтическому слогу. Ломоносов распознал в Поповский поэтический талант. Он высоко оценил стихотворный перевод Поповского од и знаменитого «Письма к Писонам» (*Ars poetica*) Горация и хлопотал о скорейшем опубликовании перевода. «В последних месяцах минувшего 1752 г. подал он мне свой перевод Горациевых стихов о стихотворстве (*ars poetica*) и некоторых од, который так хорошо сделан, что напечатания весьма достоин» (Цит. по: Пекарский, 1873: 509), — писал он Шувалову. Перевод был напечатан в Санкт-Петербурге в Им-

ператорской Академии наук в 1753 году под названием «Письмо Горация Флакка о стихотворстве к Пизонам»⁵ Существует мнение, что инициатором перевода «Письма к Писонам» был сам Ломоносов, преследовавший определённую цель — противопоставить стихотворный перевод «Письма» Горация прозаическому переводу этого поэтического произведения, сделанному Третьяковским и опубликованному незадолго до выхода в свет перевода Поповского, и таким образом представить весомый аргумент в дискуссии о возможностях стихотворного перевода поэтических произведений (см.: Алексеева, 2006: 28). Это предположение придаёт истории с переводом «Письма» особую значимость для исторической области науки о переводе.

Судьба «Письма к Писонам» Горация в мировой истории перевода весьма интересна. Две строчки из этого произведения вызвали множественные споры в европейской истории перевода задолго до того, как Поповский и Третьяковский предложили русскому читателю свои варианты перевода, и продолжаются до сих пор. В основе дискуссии — различие между переводом и подражанием, как способом овладения поэтическим искусством, возможное смешение или умышленная подмена одного понятия другим. Начало спорам положил трактат-послание «О наилучшем способе переводить» (*De optimo genere interpretandi*) римского переводчика Св. Иеронима, одного из отцов христианской Церкви, автора выдающейся латинской версии Библии — Вульгаты, канонизированной в 1546 г. на Тридентском соборе, почитаемого сегодня как небесного покровителя переводчиков⁶. В этом трактате, известном также под названиями послания № 57, а также «Письма Паммахию», Иероним, провозглашая основной принцип перевода — не слово переводить словом, а смысл смыслом (*non verbum e verbo, sed sensum exprimere de sensu*), ссылается на своих главных Учителей — Цицерона и Горация — и в качестве подтверждения своих мыслей приводит фразу из «Письма Писонам»: “*Nec verbum verbo curabis reddere, fidus Interpres*”.

⁵ *Ars poetica* Горация переводилась на русский язык неоднократно, до Поповского прозаический перевод был сделан Третьяковским (1751). Наиболее популярны сегодня переводы А.В. Артюшкова и М.Л. Гаспарова. Во всех переводах название трактата переведено по-разному в зависимости от переводческих тенденций времени и вкусов переводчиков.

⁶ В соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 2017 г. 30 сентября, отмечаемый католической Церковью как день памяти Св. Иеронима, объявлен Международным днём перевода.

“Siquid inexpertum scaenae committis et audes
personam formare nouam, seruetur ad imum
qualis ab incepto processerit et sibi constet.
Difficile est proprie communia dicere, tuque
rectius Iliacum carmen deducis in actus
quam si proferres ignota indictaque primus.
Publica materies priuati iuris erit, si
non circa uilem patulumque moraberis orbem,
nec uerbo uerbum curabis reddere fidus
*interpres nec desilies imitator in artum,*⁷
unde pedem proferre pudor uetet aut operis lex”.

Иероним трактует фразу так, будто римский поэт обращался к переводчикам и наставлял их: «Не передавай слово словом, верный переводчик». Однако у переводчиков более поздних периодов и у других читателей «Письма» Горация возникали сомнения, действительно ли Гораций обращался к переводчикам, ведь всё произведение называется «Поэтическим искусством» и адресовано начинающим стихотворцам. Скорее, речь идёт о наставлении начинающим стихотворцам избегать в подражании слепого копирования подобно тому, как слепо копирует слова оригинала переводчик-буквалист. Смущала латинская форма *fidus Interpres*. Была ли она прямым обращением, или же могла трактоваться как сравнение⁸?

В истории перевода противоречивость интерпретаций фразы Горация встречалась неоднократно и вызывала живые дискуссии переводчиков текста Горация и историков перевода (Жак Пелетье дю Ман, 1545; Пьер-Даниель Юэ, 1661; Копанев, 1972; Оргелен, 1981; В. Гарсия Йебра, 1984; и др.)⁹. Можно предположить, что Иероним умышленно использовал двусмысленное высказывание римского поэта, признанного мастера красноречия, чтобы сослаться на его авторитет и убедить оппонентов в несостоятельности буквального перевода.

Тредиаковский в прозаическом переводе, опубликованном в 1751 г., интересующий нас фрагмент трактуется широко, он интерпретирует фразу Горация как порицание и буквального перевода, и слепого копирования оригинала при подражании: «Общая материя имеет быть собственно вашею, когда в её просторном округе искусно станете обращаться, когда не от слова до слова верно переводить имеете и когда подражанием и в такую тесноту не

⁷ Выделено мной. — Н.Г.

⁸ См. подробнее: *Гарбовский*, 2004: 73–77.

⁹ См.: Там же.

зайдёте, от которых вам отстать стыд запрещает или закон принятого дела» (Тредиаковский, 2009: 56).

У русских поэтов XX века опасность уподобления при подражании переводчику-буквалисту, а не обращение к нему очевидно.

А.В. Артюшков передаёт этот фрагмент следующим образом:

«Общий же станет предмет твоим достоянием полным,
Если не будешь в кругу вращаться избитом и плоском,
Если не будешь идти переводчиком верным другого,
Слово за словом, в тупик попадая, откуда обратно
Выбраться стыд не позволит тебе и закон сочиненья...»
(Гораций, 1965).

Подобную интерпретацию встречаем и у М.Л. Гаспарова:

«Общее это добро ты сможешь присвоить по праву,
Если не будешь ты с ним брести по протоптанной тропке,
Слово в слово долбя, как усердный толмач-переводчик,
Но и не станешь блуждать подражателем вольным, покуда
Не заберёшься в тупик, где ни стыд, ни закон не подмога»
(Гораций, 1970).

Двойственность интерпретации фрагмента поэтического трактата Горация и в наше время позволяет некоторым, даже весьма авторитетным, историкам и теоретикам перевода следовать версии Иеронима и вычитывать из текста Горация завет переводчикам.

Так, американский исследователь Дж. Стайнер, автор книги «После Вавилонского столпотворения» (Стайнер, 2020; Steiner, 1975), в предложенной им периодизации истории перевода, принимает трактат Горация за некую точку отсчёта в истории переводческой мысли.

Выделяя в истории перевода четыре периода, границы между которыми, по его собственному признанию, вовсе не абсолютны, Стайнер соотносит начало первого периода именно с «Письма Писонам» Горация: «Первый период, — пишет он, — начинается с известного предписания Цицерона не переводить *verbum pro verbo* [слово словом], сформулированного в 46 году до н.э. в его *Libellus de optimo genere oratorum* («О лучшем роде ораторов»), и воспроизведения Горацием этой же формулы в *Ars poetica* («Наука поэзии») двадцать лет спустя» (Стайнер, 2020: 308).

Известный французский историк перевода М. Балляр в книге «История перевода. Исторические и культурные вехи» также не проходит мимо данного фрагмента в произведении Горация. Но Балляр отмечает, что ни Цицерон, ни Гораций трактатов о пере-

воде не писали, а в «Письме Писонам», говоря о подражании поэтам древности, Гораций определяет перевод как антипод личного творчества и его тормоз.¹⁰

Поповский в своём стихотворном переводе обходит сравнение с переводчиком и представляет фрагмент как предостережение поэтам, избравшим подражание способом овладеть поэтическим искусством:

«Хотя другому в чём ты будешь подражать,
Однако за твоё всяк станет почитать,
Когда во всём его не будешь ты держаться,
И чтобы ни на пядень не отступить, стараться;
Но вольность в разуме своём употребишь,
Одно отбросишь прочь, другое отменишь.
И следуя за ним его стезями точно; ий
Не зайдёшь в тесноту такую не нарочно,
Чтоб отступить назад иль стыд не попускал,
Или всех общих дел закон не позволял» (Гораций, 1753).

Сегодня трудно строить гипотезы о том, была ли известна Поповскому версия Иеронима и её опровержения, сделанные французами Жаком Пелетье дю Маном в 1545 или Пьером-Даниелем Юэ в 1661 г., но сравнивая его стихотворный перевод с латинским оригиналом, можно говорить о том, что смысл данной части произведения Горация передан верно.

Перевод Письма Писонам, сделанный Поповским и Третьяковским представляет интерес ещё и потому, что даёт почву современным исследователям для построения различных гипотез о переводческом климате той поры в России. Н.Ю. Алексеева, исследовавшая полемику середины XVIII в. по поводу стратегий перевода поэзии, отмечала: «По-видимому, в полемике о переводе не столь явственно, как вопрос о точности перевода, а в связи с ним и о самой возможности перевода ставился вопрос о способе передачи стихотворной речи стихами или прозой» (Алексеева, 2006: 27). По мнению исследователя, прозаический перевод поэзии следовал французской переводческой манере, уже сформировавшейся к тому периоду, в то время как сохранение стихотворной формы в переводе могло быть подражанием немецкой манере перевода. «Спор русских поэтов о переводе, — пишет Алексеева, — приобретал, таким образом, от-

¹⁰ «Pas plus que Cicéron, Horace n'a écrit de traité de traduction, mais dans son Epître aux Pisons ou Art poétique (-13), lorsqu'il traite de l'imitation des poètes anciens, il pose la traduction comme repoussoir, comme frein à la création personnelle».

тенок спора о выборе веры. К чему склониться, к французским нормам перевода или к немецким» (Там же: 33). Нельзя не согласиться с автором исследования, нарисовавшим довольно подробную, но, разумеется, гипотетическую, картину дискуссий вокруг переводов «Письма», и других произведений классической литературы, осуществлённых Третьяковским и Поповским, в оценке значимости перевода для развития литературы: «В этой связи, — продолжает Алексева, — вопрос о переводе, имеющий, на первый взгляд, чисто практическое значение, выявлял, как мы пытались показать, фундаментальные основания самого понимания литературы. Разность позиций в решении вопроса о точности перевода была связана с разностью понимания слова как такового и значения его в произведении литературы» (Там же).

Таким образом, переводческий опыт будущего профессора Московского университета студента Николая Поповского оказался одним из первых камней в фундаменте российской школы поэтического перевода античной классики.

4.4. Перевод «Опыта о человеке» Александра Попа. Ещё одно соревнование

Особый интерес в переводческом творчестве Поповского представляет его поэтический перевод «Опыта о человеке» английского философа и поэта Александра Попа (Поупа), представленный в рукописи Ломоносову в 1754 г. и опубликованный в типографии Московского университета в 1757 г. уже после того, как Поповский стал профессором Московского университета.

По мнению Л.Б. Модзалевского, исследовавшего творчество Ломоносова и его учеников, «Поповский взялся за перевод поэмы А. Попа под воздействием Ломоносова, для которого в большей, чем для Рихмана, степени важна была пропаганда гелиоцентрических идей в России. Помимо стремления к выдвиганию своего любимого ученика, Ломоносовым в данном случае руководило и сознание огромной научной пользы от издания этого перевода и уверенность в том, что Поповский хорошо справится с поставленной перед ним задачей» (Модзалевский, 1958: 138).

Однако помимо поистине космической цели — пропаганды гелиоцентрических идей — Поповский решал и задачу развития методологии перевода. Его перевод можно представить как эксперимент с целью выявления выразительных способностей русского стихосложения. Это было и своеобразное поэтическое состязание с английским поэтом, чьи стихотворные переводы Гомера вызвали

в Европе восторги и бурную дискуссию. Поповский в Предисловии писал: «Его перевод Гомера на английский язык считается совершеннейшим, нежели самый оригинал Гомеров» (Поп, 1763: 3). Английский поэт смог средствами английского языка и английского стихосложения передать сложность философских рассуждений о человеке, Поповский решает проверить, способны ли на это русский язык и русское стихосложение, которому его учил Ломоносов.

«Опыт о человеке» переводился Поповским не с английского оригинала, а с текста французского перевода: в российском просвещённом обществе той поры французский язык был более распространён, нежели английский и изучался наравне с латынью. Н.И. Новиков, отметив в своём «Опыте исторического словаря о российских писателях», что Поповский «был человек острый, учёный и совершенно искусный в стихотворстве» (Новиков, 1951: 337) об этой работе молодого учёного писал: «Опыт о человеке» славного в учёном свете Попия перевёл он с французского языка на русский с таким искусством, что по мнению знающих людей гораздо ближе подошёл к подлиннику и не зная английского языка, что доказывает как его учёность, так и проникание в мысли авторские. Содержание сей книги столь важно, что и прозою исправно перевести её трудно: но он перевёл с французского, перевёл в стихи, и перевёл с совершенным искусством, как философ и стихотворец» (там же).

Поповский к оценке своего опыта стихотворного перевода текста, написанного в прозе на языке-посреднике, относился более сдержанно. В предисловии к переводу, разъясняя свою переводческую концепцию, и осознавая все сложности не только понимания иноязычного текста, но и выражения на ещё не совершенном отечественном языке науки, он отмечал, что даже несовершенный перевод представляет определённую ценность для развития научного знания: «мое намеренье, услужить обществу сею книжкою, не весьма, как кажется, бесполезною, должно освобождено быть от всякого нареkania. Сверх того, недавно ещё здесь начавшиеся науки должны до всяком произвесть терпение если что неисправно усмотрит. Со временем всё будет совершеннее» (Поп, 1763: 9). И делает важное заключение: «Самым худым переводом гораздо больше можно пользоваться, нежели ничем» (Там же).

Позднее мысль о пользе первых, пусть далёких от совершенства переводов высказывал Гёте. По мнению немецкого поэта, «на первом этапе знакомство с чужими странами осуществляется в рамках первичных представлений и понятий... подобные версии являются

необходимыми и оказывают принимающей культуре огромную услугу, поскольку незаметно входят в привычную «домашнюю» обстановку как нечто новое и прекрасное, поднимая дух читателей и даруя им настоящую радость»¹¹.

В кратком, всего на восьми страницах, предисловии Поповский поднимает вопросы, весьма важные для понимания истории переводческой мысли в России.

Свою задачу переводчика Поповский видел в верности следования оригиналу: «Что касается до моего перевода, будет ли он иметь то счастье, чтобы всем понравиться и показаться вразумительным не знаю. С меня довольно того, что я старался, сколько можно, не отступить от Автора, и яснее изобразить его мысли» (Поп, 1763: 9), писал он в заключительной части предисловия к переводу.

4.4.1. *Текст-посредник*

Источником для перевода Поповскому служил текст поэмы на французском языке, переведённый Этьеном Силуэтом — экономистом, философом и государственным деятелем Франции, главным контролёром над финансами при Людовике XV, автором переводов на французский язык с английского произведений Александра Поупа, Генри Болингброка, Уильяма Уорбертона.

Факт перевода произведения английского автора на русский язык с французского перевода представляется весьма знаменательным. Давыдов в упомянутой выше речи отмечал особую роль Франции в распространении научных знаний и особый статус французского языка в рассматриваемый нами период: «Характер восемнадцатого века выразился преимущественно в том народе, который, и по обольстительной образованности своей, и по всемирности языка, был точным его исполнителем: ему вполне соответствовал характер Французов. Из Франции исходили учения, занимавшие Европу; во Франции совершались новые учёные труды, узаконялись старые, и оттоле повсюду распространялись. Прочие страны, как покорные данницы, в покое безмолвствовали, и подносили наставнице своей дары всех царств природы и все приобретения ума» (Давыдов, 1836: 10).

Научный авторитет Франции и мировой статус французского языка, отразились и в построении образовательной модели Московского университета и его гимназий. Уже в проекте университета, представленном императрице Елизавете, значилось, что в гим-

¹¹ Цит. по: *Нелюбин*, 2018: 142.

назии при университете наряду с русской и латинской школами будет школа французского и немецкого языков (Указ). Мы видели, что изучение иностранных языков было особенно распространено в гимназии. Это была также мысль Шувалова: в познании языков он хотел приготовить для будущих студентов орудия, необходимые к познанию наук в их современном состоянии. Языки шли чрезвычайно успешно. Скоро между казеннокоштными образовались студенты, которые были в состоянии помогать иностранцам в первоначальном обучении питомцев гимназии.

Силуэт предпочёл перевести философскую поэму прозой, обосновав своё решение несколькими причинами. Первая — это асимметрия языков и систем стихосложения. «Хотелось бы сделать перевод в стихах, — писал он в предисловии. — Принципы, максимы, наставления более поражают и легче запоминаются, но богатство языка и гибкие правила английского стиха делают стихосложение на этом языке более лёгким, нежели на французском».¹²

Силуэт воспроизводит здесь строчку из «Замысла» Попа, предвещающего эпистолы¹³ и объясняющего выбор стихотворной формы для своего произведения: «Я мог бы сделать это в прозе, но предпочёл стих и даже рифму по двум причинам. Первая из них очевидна: *принципы, максимы или заповеди в стихах и более поражают читателя сначала, и легче запоминаются потом*¹⁴; другая причина покажется странной, но она тоже истинная; я убедился, что, выражаясь таким образом, достигаю большей краткости, чем в прозе, а нет никакого сомнения: сила, как и изящество доводов и предписаний, во многом зависит от их сжатости»¹⁵.

Подобную мысль через 200 лет повторил советский теоретик стихосложения Георгий Шенгели, проиллюстрировав её фрагментом из «Евгения Онегина» и его интерпретацией в прозе: «Можно ли сказанное стихами выразить прозой? Сравним: «Нет, Онегин, для меня мало привлекательны и окружающая меня роскошь,

¹² «Il eut été à souhaiter qu'on eut fait cette Traduction en vers. Les Principes, les Maximes, les Préceptes frapperoient davantage, se retiendroient plus facilement : mais la richesse de la langue, & la flexibilité des règles de la Poésie Angloise rendent en cette Langue la versification beaucoup plus facile qu'elle n'est en Francois» (Pope, M.DCC. XXXVI: XXIX) — перевод с фр. языка на русский — мой. Н.Г.

¹³ «Опыт о человеке» написан в форме четырёх эпистол.

¹⁴ Выделено мной — Н.Г.

¹⁵ В переводе Поповского, как и во французском переводе Силуэта «Замысел» не представлен. Этот фрагмент приведён по современному переводу В. Микушевича (Поуп, 1988).

и внешний блеск надоевшего мне быта, и те успехи, которых я достигла среди шумной светской жизни, и мой дом, пользующийся в свете популярностью, и мои балы и приёмы...» (81 слог) и:

А мне, Онегин, пышность эта,
Постылой жизни мишура,
Мои успехи в вихре света,
Мой модный дом и вечера,
Что в них? (36 слогов)

Прозой сказано «то же», что стихами, но разве действительно то же? Передан лишь обнажённый смысл, но исчезла эмоция, исчезли сжатость и энергия слова, покоряющая взволнованность интонации, а также звуковая орнаментика, звуковые повторы, которыми перекликаются слова, напоминая друг о друге и благодаря этому резче и глубже вступая в сферу сознания». (Шенгели, 1960: 7).

Вторая причина в уникальном умении автора оригинала подчинить себе стихотворную форму для выражения сложных предложений: «Более того, — продолжал Силуэт, — возможно, Поп единственный в Англии, для кого размер и рифма не составляют препятствия для лаконичности и точности, а напротив, лишь облегчают задачу. По этой причине, какой бы парадоксальной она ни казалась, а также по той, что я указал прежде, Поп предпочёл поэзию прозе. Его точность происходит от какого-то высшего искусства: она придаёт большую силу и изящество наставлениям; изложи их иначе, и они стали бы сухими и скучными»¹⁶. Всё это делает перевод поэмы Попа чрезвычайно сложным. Большинство англичан, пишет Силуэт, считают поэму непере译имой. Во всяком случае, любой перевод будет хуже оригинала¹⁷.

Можно предположить, что признания французского переводчика в том, что он не решился взяться за стихотворный перевод

¹⁶ «D'ailleurs, il n'y a peut-être en Angleterre que M. Pope, à qui l'assujettissement de la mesure & de la rime, loin d'être un obstacle à la brièveté & à la précision, puisse au contraire être un moyen de facilité. Par cette raison, quelque'extraordinaire qu'elle paroisse, & par celle qui la précède, M. Pope a préféré la Poésie à la Prose. Sa précision est l'effet d'un art supérieur : elle donne beaucoup de force & de grace à des instructions qu'il était autrement difficile de produire sans être sec ou devenir ennuyeux» (Pope, M.DCC. XXXVI: XXX).

¹⁷ «Ces raisons doivent faire connoître que l'ouvrage était très difficile à traduire ; la plupart des Anglois ne balancent point à le croire intraduisible, & je pense qu'en effet toutes les Traductions que l'on pourroit faire, ne sçauroient être qu'inférieures à l'original» (Pope, M.DCC. XXXVI: XXXI).

в силу того, что стихосложение на французском языке было более сложным, нежели на английском и что творение Попа — это некое высшее искусство, были одним из мотивов, побудивших Поповского придать своему переводу стихотворную форму в надежде добиться такой же точности мысли, как у автора подлинника и такого же изящества.

Поповский, по собственному признанию, не читал поэмы Попа по-английски, но верил в величие автора, который «во всём учёном Свете почитается за несравненного Пииту и Философа», полагаясь на свидетельства тех, «кои и в английском языке и в науках искусны». Рассуждая о поэтическом таланте Попа, он ссылается на распространённое мнение о том, что перевод на английский язык произведений Гомера, сделанный Попом, считался более совершенным, нежели сам оригинал. «Когда ж в переводе и в изображении чужих мыслей он столь высок, красовит и важен был, что знатнейшим Пиитам не уступал: то легко заключить и твёрдо поверить можно, что в своих сочинениях, в собственных материях и мыслях он должен иметь большее преимущество» (Поп, 1763: 3).

Действительно, интересный и важный для понимания социальной значимости перевода довод: если человек демонстрирует высокое литературное мастерство в искусстве перевода, то уж в собственном литературном творчестве, где ограничения в выражении смыслов, в использовании выразительных средств языка значительно менее строги, он не может не быть мастером.

Но, по-видимому, ни авторитет английского автора, ни разработанность английского стихосложения не смущали молодого поэта Поповского, ученика Ломоносова, получившего от него уроки стихотворства, и он ставит перед собой амбициозную и труднейшую задачу: сделать на основе французского текста в прозе перевод на русский язык в стихах. Возможно, ему были близки идеи Попа о большей выразительной силе стиха по сравнению с прозой, а уроки Ломоносова привили вкус к новаторству и поиску форм. Но в его замысле отчётливо проявляется не только стремление приблизиться к поэтическому искусству мастера, который, по его словам, «высокую и важную материю изобразил яснейшими стихами», но и глубокая вера в силу и богатство родного языка, а также в выразительные возможности складывавшейся к времени во многом благодаря стараниям учителя системы русского стихосложения. Если французский переводчик отказался от попытки перевести поэму Попа в стихотворной форме и предпочёл пренебречь «изяществом

ради точности и энергичности»¹⁸, сославшись прежде всего на несовершенство французского языка и жёсткость французской системы стихосложения, а также на неповторимое искусство автора, то Поповский, признавая высочайшее совершенство поэтического искусства Поупа, напротив, берётся передать русскими стихами мысли английского философа.

Французский переводчик отмечает как достоинство своего перевода отказ от «склонения на свои нравы», весьма распространённой стратегии перевода в Европе в XVII–XVIII вв. Можно вспомнить, как иронизировал А.С. Пушкин по поводу этой стратегии французских переводчиков того периода: «В переводных книгах, изданных в прошлом столетии, нельзя прочесть ни одного предисловия, где бы ни находилась неизбежная фраза: мы думали угодить публике, а с тем вместе оказать услугу и нашему автору, исключив из его книги места, которые могли бы оскорбить вкус образованного французского читателя»¹⁹. Но в стратегии переводчика Силуэта проявляются строгость и тщательность Силуэта финансиста; он избирает иную стратегию: «У переводчика не было иной цели, как показать, насколько это было в его силах, произведение таким, какое оно есть. Сильная сторона переводов ещё и в том, что они не искажают вкусы другого народа и характер его творений, ибо у каждого народа свои нравы, и справедливый читатель всегда помнит об этом»²⁰, — заявляет он.

Поповский следовал тому же принципу и полагал, что «хотя бы и усмотрел нечто противное, однако поправлять не имел никакого права. Я только старался, как можно ближе, подходить к Французскому переводу», — писал он в предисловии.

Такой подход к задаче переводчика показывает, что наряду с тенденцией исправительных переводов и склонения на свои нравы во времена образования Московского университета существовала и иная стратегия перевода, основанная на стремлении точного и полного следования тексту оригинала независимо от вкусов читателей и их представлений о предметах, выведенных в оригинальных произведениях.

¹⁸ «D'ailleurs on a cru devoir sacrifier la délicatesse à l'exactitude & à l'énergie» (Pope: P. XXXI).

¹⁹ Пушкин А.С. О Мильтоне и шатобриановом переводе «потерянного рая». Источник: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/text/articles/article-104.htm>

²⁰ «Le Traducteur n'a eu d'autre objet que de faire connoître, autant qu'il a pû, l'Ouvrage tel qu'il est ; & ces fortes de Traductions ont leur utilité particulière, en ce qu'elles ne déguisent point le goût & le caractère des ouvrages d'une nation : car chaque nation a ses mœurs, observation qu'un lecteur judicieux ne perd jamais de vue» (Pope: XXXI).

4.4.2. Перевод и цензура

Поповский понимал, что некоторые положения концепции автора оригинала противоречили канонам православной церкви, и предвидел неодобрительное отношение церковников к переводу поэмы. Он предпочёл объяснить в предисловии, что «если, где не мог усмотреть несходства с нашею Религиею», то лишь потому, что не был ни богословом, ни критиком текста Попа, а только переводчиком (Поп, 1763: 8). Тем самым он очерчивал границы свободы переводчика по отношению к автору оригинала, отрицая возможность критического отношения к тексту оригинала, его исправления, переделки, устранения фрагментов, которые могли бы оскорбить религиозные чувства представителей церкви.

Перевод с языка-посредника позволил Поповскому пойти на маленькую хитрость и объяснить причину некоторых сомнительных мест и неточностей в тексте своего перевода, тем, что они были уже в тексте французского перевода: *«сомнительные места могут большие приписаны быть Французскому переводчику, которому я следовал, нежели мне»*.

Опасения Поповского оправдались, и русский перевод поэмы Попа был впервые опубликован лишь в 1757 г. благодаря хлопотам Ломоносова и Шувалова после цензуры и переделок, предпринятых по указанию Синода архиепископом Амвросием (Зертис-Каменским). Амвросий — знаток языков и переводчик с латинского, греческого и еврейского, среди переводческих работ которого наибольшую известность получил перевод «Псалтири». Н.С. Тихонравов, полагал, что Амвросий «имел под руками не тот близкий к оригиналу прозаический перевод „Опыта о человеке“ Силуэта, которым пользовался в своём труде Поповский, но стихотворный перевод аббата Дю-Ренеля. По крайней мере, — замечал он, — стихи, вставленные Амвросием взамен вышеприведённых, оказываются довольно близким переложением стихов Дю-Ренеля»²¹. Возможно, этим объясняются некоторые исправления, внесённые в текст перевода Амвросием. Иначе говоря, сложилась ситуация, довольно часто встречающаяся в практике переводческой критики: переводчик и критик перевода пользовались разными источниками, содер-

²¹ См.: Тихонравов Н.С. История издания «Опыта о человеке» // Сочинения Н.С. Тихонравова. Т. 3. Часть первая. Русская литература XVIII и XIX вв. М.: Издание М. и О. Сабашниковых, 1898. <https://archive.org/details/tihonravov-nicolai-sochineniia-tom-iii-chast-pervaia-rusaskaia-literatura-xviii-i-xix-vm/page/n87/mode/2up?view=theater>

жащими различающиеся версии оригинала, что может поставить под сомнение объективность критики.

Д.И. Фонвизин, ученик Университетский гимназии при Московском университете и впоследствии студент Московского университета, в своих автобиографических записках «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях» вспоминал историю, услышанную им от Г.Н. Теплова: «Вам, без сомнения, известен перевод г. Поповского „Опыта о человеке“?» — спросил меня Гр. Николаевич. «Мне сей перевод очень знаком, — отвечал я, — и я его высоко почитаю». — «Но какие неприятности, какие затруднения встретил бедный переводчик к напечатанию, сказывал мне он же. Попы стали переправлять перевод его и множество стихов исковеркали, а дабы читатель не почёл их стихов за переводчиковы, то напечатали они их нарочно крупными буквами, как будто бы читатель сам не мог различить стихов поповских от стихов Поповского»²².

Тихонравов, правда, полагал, что шрифтовые выделения были сделаны самим Поповским. «Шувалов, принимавший живое участие в издании труда Поповского, — писал он, — который был уже в то время профессором Московского университета, требовал, чтобы переводчик исправил стихи, вставленные Амвросием и не имевшие размера, согласив их смысл с изменениями цензуры. Но Поповский отказался исполнить желание куратора и навязать английскому поэту мысли, которых не было в его знаменитом „Опыте“. Ссылаясь на трудность подобной работы, Поповский, напротив, в первом издании своего перевода выделил стихи, изменённые духовною цензурою, из своих собственных, напечатавши первые боле крупным шрифтом против того, каким набран был его перевод „Опыта“. В предисловии Поповский, сверх того, предполагал, по-видимому, объяснить происхождение стихов, напечатанных крупным шрифтом, но куратор удержал его от этого поступка»²³.

Заключение

История сохранила для нас свидетельства переводческой деятельности студентов, профессоров и сотрудников Московского университета, активно осуществлявшейся с первых дней существования первого российского университета. В течение первого полувека Московский университет успешно формировал кадры спе-

²² Фонвизин Д.И. Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях // Собр. соч. в 2 т. Т. 2. С. 104.

²³ См. Тихонравов Н.С. Указ. соч.

циалистов, способных перелить в русское слово научные знания, накопленные мировым научным сообществом, и тем способствовать просвещению российского общества. В переводе выковывался русский язык науки, формировались нормы русского литературного языка, литературные традиции.

Первый русский профессор Московского университета Николай Никитич Поповский — яркий пример переводческого служения науке, словесности и образования. Дошедшие до нас переводные тексты Поповского позволяют оценить его вклад в развитие российской словесности. Переводческий опыт Поповского ещё недостаточно изучен. Можно присоединиться к призыву Л.Б. Модзалевского «более основательно изучить перевод Поповского с точки зрения словоупотреблений, языковых и стилистических норм, структуры стиха, рифм и других поэтических и стилистических приёмов переводчика»²⁴. Поповский не оставил каких-либо теоретических трактатов о переводе. Но даже несколько строк в его предисловии к переводу «Опыта о человеке» Попа дают представление о его переводческой концепции.

Переводческий опыт дал Поповскому глубокую убеждённость в богатом выразительном потенциале языка перевода — родного русского языка. Перевод на русский язык позволял формулировать и доносить до российских читателей любые, даже самые сложные, мысли, т.е. обеспечивать научную коммуникацию, что привело к затуханию значимости «чужой» латыни в образовании и науке, её постепенному вытеснению родным языком.

Отсюда следует вывод о том, что именно перевод оказался основным условием, позволившим осуществить полный переход в образовании и науке на родной язык России. Исторический опыт переводческой деятельности в Московском университете особенно в первые десятилетия его существования наглядно демонстрирует постоянное стремление народа учиться и развивать научную мысль на родном языке, что имеет определённые психологические когнитивные основания.

В современном мире ситуация с научным моноязычием повторяется. Английский язык принял на себя функции единственного языка научной коммуникации. Преподавание научных дисциплин и изложения результатов своих научных исследований на чужом языке, представляемое как научная необходимость, свидетельствует не только о пренебрежении родным языком, но и об игнориро-

²⁴ Модзалевский Л.Б. Указ. соч. С. 141.

вании исторического опыта, отчётливо продемонстрировавшего преимущества коммуникации и в науке и образовании на родном языке, сомнительную результативность коммуникации в этой сфере на чужом языке и неизбежное угасание значимости и мощный потенциал перевода для передачи научных знаний.

Список литературы

Алексеева Н.Ю. Литературная полемика середины XVIII века о переводе стихов // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, XVIII век. Сборник 24. СПб., «Наука», 2006. Отв. ред. Н.Д. Кочеткова. (Электрон. ресурс): Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Режим доступа: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/XVIII/C6.%20XVIII%20век_T_24.pdf (дата обращения 10.09.2024).

Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I [Текст]: Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностр. источники / Н.А. Воскресенский; Под ред. и с предисл. Б.И. Сыромятникова; Акад. наук СССР. Ин-т права. Акты о высших государственных установлениях [Текст] / 1 т.; 26 см. М.; Л.: изд. и 1-я типолит. Изд-ва Акад. наук СССР, 1945 (Л.), 1945. XLIV, 602 с., 4 л. факс. (Электрон. ресурс): НЭБ. Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005155071/?ysclid=m0o9gvq9m0906649630 (дата обращения 10.09.2024).

Гарбовский Н.К. Теория перевода. М. Изд-во МГУ. 2004.

Гораций. Наука поэзии. К Пизонам. В кн.: Квинт Гораций Флакк. Оды, эподы, сатиры, послания. Пер. с латинского. Библиотека классической литературы. М.: Изд-во «Художественная литература», 1970. С. 386. (Электрон. ресурс): DJVU. Режим доступа: <https://djvu.online/file/xvzOKmY8amSpR?ysclid=m10foemo22423928371> (дата обращения 10.09.2024).

Гораций. Письмо Горация Флакка о стихотворстве к Пизонам, переведено с латинского языка Николаем Поповским. Печатано в Санкт-Петербурге при Императорской Академии наук, 1753 года». С. 9. (Электрон. ресурс): НЭБ. Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_A1_1508/?ysclid=m10gwp12hb336789934 (дата обращения 10.09.2024).

Гораций. Послание к Пизонам об искусстве поэзии // Хрестоматия по античной литературе. В 2-х т. Для высших учебных заведений. Т. 2. Римская литература. Сост. Н.Ф. Дератани. Н.А. Тимофеева. М.: Просвещение, 1965. (Электрон. ресурс): Иностранная литература. Режим доступа: <http://ino-lit.ru/lit/text/298/1770/Artushkov/goracij-poslanie.htm> (дата обращения 10.09.2024).

Давыдов И.И. О содействии Московского университета успехам отечественной словесности: Речь, произнес. в торжеств. собр. Имп. Моск. ун-та орд. проф. рос. словесности, д-ром словес. наук, ст. с. и кавалером Иваном Давыдовым 9 июня 1836. М.: Унив. тип. 1836. (Электрон. ресурс): НЭБ. Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003559253/?ysclid=m0dnm7tzi0907005630 (дата обращения 10.09.2024).

Локк Дж. О воспитании детей / Господина Локка; Переведено с французского на русский язык Императорского Московского университета профессором Николаем Поповским. Ч. 1 [Текст]. М.: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1760, [6], 1–240, 239–248 = 250 с. (Электрон. ресурс): НЭБ. Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005436290/?ysclid=m1703sf08c111970227 (дата обращения 10.09.2024).

Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию // М.В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Том 7. Труды по филологии (1739–1758). М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1952. (Электрон. ресурс): НЭБ. Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002988930/?ysclid=m18tbtatqsc293715187 (дата обращения 10.09.2024).

Модзалевский Л.Б. Ломоносов и его ученик Поповский (О литературной преемственности). // XVIII век. Сборник 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. (Электрон. ресурс): Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Режим доступа: <http://lib2.pushkinskiydom.ru/ломоносов-и-его-ученик-поповский-о-литературной-преемственности> (дата обращения 10.09.2024).

Нелюбин Л.Л. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней): учеб. пособие / Г.Т. Хухуни; Л.Л. Нелюбин. 4-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2018. 415 с. (Электрон. ресурс): НЭБ. Режим доступа: <https://rucont.ru/efd/244471> (дата обращения: 06.06.2024).

Новиков Н.И. Опыт исторического словаря о российских писателях // Новиков Н.И. Избранные произведения. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1951. С. 337. Версия 2.0 от 19 мая 2021 г. (Электрон. ресурс): РВБ, 2005–2024. Режим доступа: <https://rvb.ru/18vek/novikov/01text/02criticism/17.htm?ysclid=lxgi05j5zk91570234> (дата обращения 10.09.2024).

Пекарский П.П. История Императорской академии наук в Петербурге. Т. 2. С.-П.: издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1870–1873, 1873. LVIII, 1042, [6] с., [1] л. факс. (Электрон. ресурс): НЭБ. Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003859363/?ysclid=m17mkbzper4755398270 (дата обращения 10.09.2024).

Поп А. Опыт о человеке / Господина Попия; Переведён с французского языка Академии наук конректором Николаем Поповским 1754 года. 2-е изд. М.: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1763. 78 с., 5 л. ил. (Электрон. ресурс): НЭБ. Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003337938/?ysclid=m0o9227cyb702038941 (дата обращения 10.09.2024).

Поповский Н.Н. Речь, говоренная в начатии философических лекций при Московском университете гимназии ректором Николаем Поповским. // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Том I. Государственное издательство политической литературы, 1952. (Электрон. ресурс): wikisource. Режим доступа: <https://ru.wikisource.org/wiki/> (дата обращения 10.09.2024).

Поуп А. Опыт о человеке. Перевод В. Микушевича // Александр Поуп. «Поэмы». М.: «Художественная литература», 1988 г. OCR Бычков М.Н. (Электрон. ресурс): Библиотека электронной литературы fb2. Режим дос-

тупа: <https://litresp.ru/chitat/ru/П/поуп-aleksandr/opit-o-cheloveke> (дата обращения 10.09.2024).

Пушкин А.С. О Мильтоне и шатобриановом переводе «потерянного рая». (Электрон. ресурс): [pushkin-lit.ru](http://pushkin-lit.ru/pushkin/text/articles/article-104.htm). Режим доступа: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/text/articles/article-104.htm> (дата обращения 10.09.2024).

Стайнер Дж. После Вавилонского смещения. Вопросы языка и перевода; перевод с английского В. Фролова. М.: МЦНМО, 2020. С. 308.

Тихонравов Н.С. История издания «Опыта о человеке» // Сочинения Н.С. Тихонравова. Т. 3. Часть 1. Русская литература XVIII и XIX вв. М.: Издание М. и О. Сабашниковых, 1898. (Электрон. ресурс): Internet Archive. Режим доступа: <https://archive.org/details/tihonravov-nicolai-sochineniia-tom-iii-chast-pervaia-russkaia-literatura-xviii-i-xix-vv./page/n87/mode/2up?view=theater> (дата обращения 10.09.2024).

Тредиаковский В.К. Горация Флакка «Эпистола к Пизонам о стиховорении и поэзии»: с латинских стихов прозой // Тредиаковский В. Сочинения и переводы, как стихами, так и прозой. С.-П.: Наука, 2009. Т. I. (Электрон. ресурс): Internet Archive. Режим доступа: https://archive.org/details/2009_20230120/page/2/mode/2up (дата обращения 10.09.2024).

Указ от 24 января 1755. Именной. Об учреждении Московского Университета и двух гимназий. С приложением высочайше утверждённого проекта по сему предмету. (Электрон. ресурс): [diletant.media](https://diletant.media/articles/36716113/?ysclid=m0jx2nojzr314495523). Режим доступа: <https://diletant.media/articles/36716113/?ysclid=m0jx2nojzr314495523> (дата обращения 10.09.2024).

Фонвизин Д.И. Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях // Собр. соч. в 2 т. Т. 2. (Электрон. ресурс): РВБ. Режим доступа: <https://rvb.ru/18vek/fonvizin/01text/vol2/01prose/250.htm?ysclid=m18tg495f9269756726> (дата обращения 10.09.2024).

Шевырёв С.П. История Московского Университета // История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею ординарным профессором русской словесности и педагогики Степаном Шевырёвым. 1755–1855. М.: В Университетской Типографии, 1855. С. 17. (Электрон. ресурс): НЭБ. Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003543421/?ysclid=m0jt0n0tpw757431279 (дата обращения 10.09.2024)

Шенгели Г. Техника стиха. Государственное издательство художественной литературы. М., 1960. (Электрон. ресурс): НЭБ. Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_006257996/?ysclid=m18thgldd9183570224 (дата обращения 10.09.2024).

Ballard M. (2013) Histoire de la traduction. Repères historiques et culturels. Bruxelles: De Boeck Supérieur s.a. P. 22.

Horatii Flacci Q. Ars Poetica. (Electronic Resource): TheLatinLibrary URL: <https://www.thelatinlibrary.com/horace/arspoet.shtml> (date of retrieval: 10.09.2024)

Pope A. Essai sur l'homme, par M. Pope. Traduit de l'Anglois en François. Edition revue par le Traducteur. The proper study of mankind is Man. L'étude propre de l'Homme est l'Homme. A Londres, chez Pierre Dunoyer, à la tête

d'Erasmе dans le Strand. A Amsterdam, chez Jean Frederic Bernard. M. DCC. XXXVI. (Electronic Resource): Internet Archive. URL: https://archive.org/details/bim_eighteenth-century_essai-sur-lhomme-par-m_pope-alexander_1736/page/n29/mode/2upP (date of retrieval: 10.09.2024).

Steiner G. (1975) *After Babel. Aspect of language and translation*. Oxford University Press, London Oxford New York.

References

Alekseeva N.Yu. (2006) Literaturnaya polemika serediny XVIII veka o perevode stihov = Literary controversy of the mid-18th century about the translation of poetry. Elektronnyye publikacii Instituta russkoj literatury (Pushkinskogo Doma) RAN, XVIII vek. Sbornik 24. Saint Petersburg: "Nauka". Otv. red. N.D. Kochetkova. (Electronic Resource): lib2.pushkinskijdom. URL: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/XVIII/Cb.%20XVIII%20vek_T_24.pdf (date of retrieval: 10.09.2024) (In Russian).

Ballard M. (2013) *Histoire de la traduction. Repères historiques et culturels*. Bruxelles: De Boeck Supérieur s.a. P. 22.

Belyaeva L.N. (2022) Mashinnyy perevod v sovremennoy tekhnologii protsessa perevoda = Machine translation and modern translation technology. Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena. No. 203, pp. 22–30. (Electronic Resource): cyberleninka.ru. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mashinnyy-perevod-v-sovremennoy-tehnologii-protsess-perevoda/viewer> (date of retrieval: 10.09.2024) (In Russian).

Davydov I.I. (1836) O sodejstvii Moskovskogo universiteta uspekham otechestvennoj slovesnosti = On the Assistance of Moscow University to the Success of Russian Literature. Rech', proiznes. v torzhestv. sobr. Imp. Mosk. un-ta ord. prof. ros. slovesnosti, d-rom sloves. nauk, st. s. i kavalerom Ivanom Davydovym 9 iyunya 1836. Moscow: Univ. tip. (Electronic Resource): cyberleninka.ru. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003559253/?ysclid=m0dnm7tzl0907005630 (date of retrieval: 10.09.2024) (In Russian).

Fonvizin D.I. Chistoserdechnoe priznanie v delah moih i pomysleniyah = A sincere confession of my deeds and thoughts. Sobr. soch. v 2 vol. Vol. 2. P. 104 (In Russian).

Garbovskiy N.K. (2004) *Teoriya perevoda = Translation Studies*. Moscow: Izd-vo MSU (In Russian).

Horace. (1970) *Nauka poezii. K Pizonam = The Science of Poetry. To the Pisons. (Ars Poetica) V kn.: Kvint Goracij Flakk. Ody, epody, satiry, poslaniya. Per. s latinskogo. Biblioteka klassicheskoj literatury*. Moscow: Izd-vo "Hudozhestvennaya literature". P. 386 (Electronic Resource): djvu.online. URL: <https://djvu.online/file/xvzOKmY8amSpP?ysclid=m10foemo22423928371> (date of retrieval: 10.09.2024) (In Russian).

Horace. (1753) *Pis'mo Goraciya Flakka o stihotvorstve k Pizonam, perevedeno s latinskogo yazyka Nikolaem Popovskim. Pечатано в Санктпетербурге при Императорской Академии наук. 1753 года = A letter from Horace Flaccus on poetry to the Pisons, translated from Latin by Nikolai Popovskiy. Printed in St. Petersburg at the Imperial Academy of Sciences. (Electronic Resource): rusneb.*

URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_A1_1508/?ysclid=m10gwp12hb336789934 (date of retrieval: 10.09.2024) (In Russian).

Horace. (1965) Poslanie k Pisonam ob iskusstve poezii = A letter to the Pisons on the art of poetry (Ars Poetica). Hrestomatiya po antichnoj literature. V 2 v. Dlya vysshih uchebnyh zavedenij. Vol. 2. Rimskaya literatura. Sost. N.F. Deratani, N.A. Timofeeva. Moscow: Prosveshchenie. (Electronic Resource): ino-lit.ru. URL: <http://ino-lit.ru/lit/text/298/1770/Artushkov/goracij-poslanie.htm> (date of retrieval: 10.09.2024) (In Russian).

Horatii Flacci Q. Ars Poetica. (Electronic Resource): TheLatinLibrary.

URL: // <https://www.thelatinlibrary.com/horace/arspoet.shtml> (date of retrieval: 10.09.2024).

Locke J. (1760). O vospitanii detej Gospodina Lokka. Perevedeno s francuskago na rossijskij yazyk Imperatorskago Moskovskago universiteta professorom Nikolaem Popovskim = Some Thoughts Concerning Education. CH. 1 [Tekst]. Moscow: Pech. pri Imp. Mosk. un-te. [6], 1–240, 239–248 250 p. (Electronic Resource): rusneb. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005436290/?ysclid=m17o3sfo8c111970227 (date of retrieval: 10.09.2024) (In Russian).

Lomonosov M. V. (1952) Kratkoe rukovodstvo k krasnorechiju = Brief Guide to Eloquence. M.V. Lomonosov. Polnoe sobranie sochinenij. Vol 7. Trudy po filologii (1739–1758). Moscow–Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. P. 92 (In Russian).

Modzalevskij L.B. (1958) Lomonosov i ego uchenik Popovskij (O literaturnoj preemstvennosti) = Lomonosov and his pupil Popovsky (On Literary Succession). XVIII vek. Collection 3. Moscow — Leningrad: Izd-vo AN SSSR (In Russian).

Nelyubin L.L. (2018) Nauka o perevode (istoriya i teoriya s drevnejshih vremen do nashih dnei) = Translation Studies (History and Theory from Ancient Times to Our Days): ucheb. posobie. G.T. Huhuni; L.L. Nelyubin. 4-e izd., ster. Moscow: FLINTA. 415 p. (In Russian).

Novikov N.I. (1951) Opyt istoricheskogo slovarya o rossijskikh pisatelyah = Izbrannye proizvedeniya. Moscow — Leningrad: Gos. izd-vo hudozh. lit. P. 337. (Electronic Resource): rvb.ru. URL <https://rvb.ru/18vek/novikov/01text/02criticism/17.htm?ysclid=lxgj05j5zk91570234> (date of retrieval: 10.09.2024) (In Russian).

Pekarskij P.P. (1873) Istoriya Imperatorskoj akademii nauk v Peterburge = History of the Imperial Academy of Sciences in Petersburg. Vol. 2. Sankt-Peterburg: Izdanie Otd-niya rus. yaz. i slovesnosti Imperatorskoj akad. nauk, 1870–1873. LVIII, 1042, [6] p. [1] l. faks. (Electronic Resource): rusneb.ru. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003859363/?ysclid=m17mkbzep4755398270 (date of retrieval: 10.09.2024) (In Russian).

Pop A. (1763) Opyt o cheloveke Gospodina Popiya = An Essay on a Man by Mr. Popius. Pereveden s francuskago yazyka Akademii nauk konrektorom Nikolaem Popovskim 1754 goda. 2-e izd. Moscow: Pech. pri Imp. Mosk. un-te. 78 p. 5 l. il. (Electronic Resource): rusneb.ru. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003337938/?ysclid=m0o9227cyb702038941 (date of retrieval: 10.09.2024) (In Russian).

Pope A. (1736) *Essai sur l'homme*, par M. Pope. Traduit de l'Anglois en François. Edition revue par le Traducteur. The proper study of mankind is Man. L'étude propre de l'Homme est l'Homme. A Londres, chez Pierre Dunoyer, à la tête d'Erasmus dans le Strand. A Amsterdam, chez Jean Frederic Bernard M. DCC. XXXVI. (Electronic Resource): archive.org. URL: https://archive.org/details/bim_eighteenth-century_essai-sur-lhomme-par-m_pope-alexander_1736/page/n29/mode/2up (date of retrieval: 10.09.2024).

Popovskij N.N. (1952) *Rech' govorenaya v nachatii filosoficheskikh lekcij pri Moskovskom universitete gimnazii rektorom Nikolaem Popovskim* = A speech delivered at the beginning of philosophical lectures by Nikolai Popovsky, director of the gymnasium at Moscow University.

Izbrannye proizvedeniya russkikh myslitelej vtoroj poloviny XVIII veka. Vol. I. Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. (Electronic Resource): wikisource. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/> (date of retrieval: 10.09.2024) (In Russian).

Poup A. (1988) *Opyt o cheloveke* = Experience about man. *Perevod V. Mikhushевича Aleksandr Poup. "Poemy".* Moscow: "Hudozhestvennaya literatura"; OCR Bychkov M.N. (Electronic Resource): Biblioteka elektronnoj literatury fb2. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/P/poup-aleksandr/opit-o-cheloveke> (date of retrieval: 10.09.2024) (In Russian).

Pushkin A.S. (1960) *O Mil'tone i shatobrianovom perevode "Poteryannogo raya"* = About Milton and Chateaubriand's translation of "Paradise lost". (Electronic Resource): pushkin. URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/text/articles/article-104.htm> (date of retrieval: 10.09.2024) (In Russian).

Shengeli G. (1960) *Tekhnika stiha* = Verse technique. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury (In Russian).

Shevyryov S.P. (1855) *Istoriya Moskovskogo Universiteta* = History of Moscow University. *Istoriya Imperatorskogo Moskovskogo universiteta, napisannaya k stoletnemu ego yubileyu ordinarnym professorom russkoj slovesnosti i pedagogii Stepanom Shevyrevym. 1755–1855.* Moscow: V Universitetskoj Tipografii. (Electronic Resource): rusneb.ru. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003543421/?ysclid=m0jt0n0tpw757431279 (date of retrieval: 10.09.2024) (In Russian).

Steiner G. (2020) *Posle Vavilonskogo smesheniya. Voprosy yazyka i perevoda* = After Babel. Aspect of language and translation. Moscow: MCNMO (In Russian).

Steiner G. (1975) *After Babel. Aspect of language and translation.* Oxford University Press, London Oxford New York.

Tihonravov N. S. (1898) *Istoriya izdaniya "Opyta o cheloveke"* = The history of the publication of the "Essay on Man". *Sochineniya N.S. Tihonravova. Vol. 3. Chast' pervaya. Russkaya literatura HVSH i HIH vv. Moscow: Izdanie M. i O. Sabashnikovyh* (Electronic Resource): archive.org. URL: <https://archive.org/details/tihonravov-nicolai-sochineniia-tom-iii-chast-pervaia-russkaia-literatura-xviii-i-xix-vv/page/n87/mode/2up?view=theater> (date of retrieval: 10.09.2024) (In Russian).

Trediakovskij V.K. (2009) Goraciya Flakka “Epistola k Pizonam o stihotvoreanii i poezii”: s latinskih stihov prozoyu = Horace Flack’s “Epistle to the Writers on Poetry and Poetry” from Latin verses in prose. Trediakovskij V. Sochineniya i perevody, kak stihami, tak i prozoyu. Sankt-Peterburg: “Nauka”, V. I. (Electronic Resource): archive.org/ URL: https://archive.org/details/2009_20230120/page/2/mode/2up (date of retrieval: 10.09.2024) (In Russian).

Ukaz ot 24 yanvarya 1755. Imennoj. Ob uchrezhdenii Moskovskogo Universiteta i dvuh gimnazij. S prilozheniem vysochajshe utverzhdennogo proekta po semu predmetu = Decree of January 24, 1755 — Personal. Regarding the establishment of the Moscow University and two gymnasiums. In accordance with the highly recommended project on this matter (Electronic Resource): archive.org. URL: <https://diletant.media/articles/36716113/?ysclid=m0jx2nojzr314495523> (date of retrieval: 10.09.2024) (In Russian).

Voskresenskij N.A. (1945) Zakonodatel’nye akty Petra I [Tekst]: Redakcii i proekty zakonov, zametki, doklady, donosheniya, chelobit’ya i inostr. istochniki = Legislative Acts of Peter I [Text]: Editions and draft laws, notes, reports, denunciations, petitions and foreign sources. N.A. Voskresenskij; Pod red. i s predisl. B.I. Syromyatnikova; Akad. nauk SSSR. In-t prava. Akty o vysshih gosudarstvennyh ustanovleniyah [Tekst]. 1 v; 26 sm. Moscow — Leningrad: Izd. i 1-ya tipolit. izd-va Akad. nauk SSSR. (L.). XLIV, 602 p., 4 l. faks. (Electronic Resource): rusneb.ru. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005155071/?ysclid=m0o9gvq9m0906649630 (date of retrieval: 10.09.2024) (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Гарбовский Николай Константинович — доктор филологических наук, профессор, директор, заведующий кафедрой теории и методологии перевода Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова, 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-1, дом 1, корп. 51, nikolay.garbovskiy@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Nikolai K. Garbovskiy — Dr. Sc. (Philology), Professor, Director of the Higher School of Translation and Interpreting (Faculty), Lomonosov Moscow State University; 119991, Moscow, Leninskie gory, Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Building 1-51; nikolay.garbovskiy@mail.ru

Конфликт интересов: Положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author state that there is no conflict of interests.